

— Когда же ты начнёшь набирать вес? — спросил я Хёндю, обнимая его. В ответ он лишь прижался ко мне и тихо рассмеялся, чем поставил меня в тупик.

— Всё когда-нибудь меняется, — пробормотал я скорее для себя, чем для него, и нежно погладил брата по спине. Он прильнул ко мне, а затем крепко обнял за шею. В такие моменты я не мог не завидовать тому, как в романах путешествие во взрослую жизнь укладывается в несколько стремительных страниц. Но мы были здесь, в реальности, которая медленно ползла вперёд, и ждали, когда время сотворит своё волшебство. Впереди меня ждала пугающая и утомительная перспектива ожидания.

«Если бы он только мог поправиться за одну ночь», — думал я, не подозревая о зловещей подоплёке своего желания. Я и представить не мог, к каким неожиданным последствиям приведёт эта мысль.

* * *

Проходили дни, и каждый из них казался странно пустым без утешительного присутствия Хёндю в моих объятиях. В это время я получил известие о том, что мама скоро вернётся. Когда мы разговаривали по видеосвязи, я видел её сияющее лицо и не спрашивал, был ли её медовый месяц таким, как она надеялась. Её беззаботное поведение казалось мне заслуженной наградой за все неудобства, которые я испытывал в её отсутствие.

— Счастливого пути, — сказал я, когда мы прощались по телефону, послав воздушный поцелуй и восхитившись её стойкостью. В ожидании её возвращения я с головой погрузился в подготовку, стараясь, чтобы всё было идеально на следующее утро после её приезда. Я учёл все её потребности: от успокаивающих масел, которые помогут снять усталость после путешествия, до тщательной организации обстановки для обеспечения максимального комфорта. Возможно, из-за моей активности с самого утра, когда полуденный солнечный свет проник в окна, усталость навалилась на меня, и я почувствовал сонливость.

«Думаю, немного поспать не помешает», — подумал я и решил, что проснусь не позже рассвета. Я тяжело, но удовлетворённо вздохнул и направился в свою комнату. Хёндю следовал за мной, как верная тень. Удивительно, как быстро формируются привычки: до этого момента я почти не замечал его постоянного присутствия. Устроившись на кровати, я почувствовал, как Хёндю примостился рядом, даря мне тихое утешение в тускнеющем свете. И когда усталость окутала меня, словно тёплое одеяло, я погрузился в сон, а присутствие Хёндю помогло мне расслабиться.

* * *

Только убедившись, что Ю Хваи уснул, Хёндо позволил себе расслабиться. Он и сам не осознавал, насколько сильно был напряжён. И осторожно поднял голову, чтобы украдкой посмотреть на Ю Хваи. Во сне лицо Ю Хваи выглядело спокойным, и он не заметил, что за ним наблюдают. Такой вид вызвал у Хёндо бурю эмоций, щёки вспыхнули от смущения, которое он не смог скрыть. Он впервые оказался в комнате Ю Хваи, и непривычная обстановка лишь усиливала его беспокойство. Пока Хёндо пытался успокоить своё бешено колотящееся сердце, не в силах избавиться от тревоги, Ю Хваи, который находился в полусне, инстинктивно притянул сводного брата к себе.

Хёндо чувствовал, как тяжесть рук Ю Хваи удерживает его на месте, предлагая утешение в момент смятения. Аромат Ю Хваи окутал Хёндо, словно нежные объятия, наполняя чувством близости и привязанности. Это было ошеломляющее ощущение. В этот момент Хёндо почувствовал непреодолимое желание уткнуться лицом в грудь Ю Хваи, ища убежища в его надёжных объятиях. Ю Хваи не сделал ни малейшего движения, чтобы оттолкнуть его, и его спящая фигура излучала тепло и уверенность. Когда тишина комнаты окутала их, губы Хёндо изогнулись в бессознательной улыбке, и даже во сне было видно, как он погружается в мирный сон в объятиях Ю Хваи.

* * *

— О боже!

Кан Рюндо и Гым Бёльхэ, которые вернулись в Корею раньше срока, были поражены увиденным. Они ожидали, что на следующее утро смогут поприветствовать своих детей, но вместо этого обнаружили нас с Хёндо, спящими в объятиях друг друга. Бёльхэ не смогла сдержать удивления и прикрыла рот рукой, увидев, как мы лежим, прижавшись друг к другу. Хотя поначалу они чувствовали себя немного скованно в присутствии друг друга, было заметно, что Рюндо и Бёльхэ стали ближе за время путешествия. И теперь, когда они стали свидетелями нашего спокойного совместного сна, их сердца наполнились нежностью.

— Наши любимые дети, — тихо произнёс Рюндо, и на его лице появилась тёплая улыбка. Гым Бёльхэ нежно прикоснулась к плечу Хёндо и наклонилась, чтобы оставить по лёгкому поцелую на наших лбах. Её любовь и забота окутали нас, словно мягкие объятия.

— Добрых снов, — прошептала она, прежде чем вывести мужа из комнаты. Она убедилась, что наш сон будет спокойным. Когда они тихо закрыли за собой дверь, в комнате воцарилась атмосфера умиротворения. Тепло семейной любви ещё долго оставалось в воздухе после их

ухода.

Мягко?

Меня окутало приятное тепло, такое мягкое и успокаивающее, что я не хотел просыпаться. Это было ощущение, от которого не хотелось избавляться, даже когда я начал постепенно приходить в себя. Всё ещё с закрытыми глазами я наслаждался нежными прикосновениями и ощущением утренней дымки.

Но когда я протянул руку, чтобы найти источник тепла, мои пальцы коснулись чего-то знакомого, но неожиданного, что заставило меня открыть глаза. И там, в мягком утреннем свете, проникающем через окно, лежал Хёндю. Чьё лицо во сне было безмятежным. Меня охватило смятение. Почему он был здесь? И почему всё казалось таким... странным?

Внезапно осознав это, я резко поднялся на ноги, словно пробуждаясь от сна, и вырвался из объятий Хёндю. Не обращая внимания на бешеный стук сердца, я выбежал из комнаты, не веря своим глазам. На диване за дверью сидела мама с чашкой кофе в руках. Женщина на секунду нахмурилась, когда увидела меня, но затем тепло улыбнулась и помахала мне рукой.

— Наконец-то ты проснулся!

Не медля ни мгновения, я подбежал к маме и заключил её в объятия, ощущая себя виноватым за то, что проспал и не смог встретить её как следует. Мы не виделись всего две недели, но казалось, что прошла целая вечность...

Когда я уткнулся лицом в её плечо, меня охватило чувство вины. Как я мог проспять их возвращение? Неужели я был настолько поглощён своими желаниями, что даже не заметил её приезда?

— Ты хорошо выспался, сынок? — спросила она. Слова были мягкими и ласковыми, и они подействовали на меня как бальзам, ослабляя напряжение, которое накопилось внутри.

— Да, — ответил я едва слышно, благодарный за её неизменную любовь и понимание.

— Ты скучал по маме?

Я не мог вымолвить ни слова из-за нахлынувших эмоций и просто кивнул в ответ. Нежные прикосновения матери и её успокаивающие похлопывания по спине приносили утешение, а её добрый голос успокаивал меня в моём смятении.

— Спасибо, что был рядом со своим братом, — сказала она.

Её слова тронули меня, и хотя я сознательно не пытался остаться рядом с матерью, мысль о разлуке с Кан Хёндю казалась мне невыносимой.

— И спасибо за ароматерапию. Мы были приятно удивлены.

Её благодарность застала меня врасплох. Осознание того, что моей матери это понравилось, принесло мне чувство удовлетворения. Для своего отчима я не готовил ничего особенного, поэтому был немного огорчён тем, что ему пришлось воспользоваться моим жестом. Однако счастье матери перевесило все мелкие обиды.

— Рад, что тебе понравилось.

— Ты так мило говоришь. Когда ты успел так сильно повзрослеть?

Слова матери пробудили во мне острую тоску, напомнив о времени, которое мы провели порознь.

— Так сильно скучал по тебе, — признался я, и боль в моей груди эхом отозвалась на её чувства.

— Я тоже очень скучала по своему сыну.

Когда успокаивающие прикосновения матери прекратились, она мягко предложила заняться делами:

— Умойтесь с Хёндю и выходите. Пора поесть.

— Хорошо.

Едва я покинул комнату, как следом вышел Хёндю. Его взъерошенный вид и сонная походка сами по себе были очаровательны. По пути в ванную я без колебаний подхватил брата на руки, ощущая приятную тяжесть его тела. Однако, когда я взглянул на маму, её выражение лица заставило меня задуматься.

— Что-то не так? — спросил я, поражённый её реакцией.

В ответ мама лишь отмахнулась, и на её щеках появился румянец.

— Нет, просто это так естественно, — сказала она. — И это приятно.

— Хорошо...

— Умывайтесь и идите завтракать.

С улыбкой, которая могла бы соперничать с солнечным теплом, мама повернулась и направилась на кухню. Я же стоял на месте, пытаюсь осмыслить её слова. Хёндю, который всё ещё не до конца проснулся, уткнулся носом в моё плечо. Присутствие мальчика успокаивало меня. Естественно? Я посмотрел на Хёндю и внезапно понял, как так получилось, что я его обнял. И когда это стало таким... нормальным? Осознание того, что я приобрёл странные привычки, поразило меня.

— Эй, слезай.

Подавив желание просто отпустить его, я мягко помог Хёндю встать на ноги самостоятельно. Он медленно очнулся от дремоты, словно вспугнутая цикада, и посмотрел на меня затуманенным взглядом. Я был готов настаивать, если бы он продолжал упорствовать, но Хёндю послушно подчинился и высвободился из моих объятий. Адаптация действительно была пугающим испытанием. Когда я оправился от потрясения, вызванного тем, что не смог поздороваться с матерью, и от тревожного осознания того, насколько я сблизился с братом, то направился в ванную, чувствуя, как внутри нарастает тревога.

— Если бы ты только поскорее набрал вес, нам бы не пришлось больше этим заниматься. — Слова слетели с губ сами собой. Лишь мимолётная мысль, высказанная в пустоту. Но, к моему удивлению, Хёндю, казалось, услышал и посмотрел на меня. Я стряхнул с себя оцепенение и умылся холодной водой, приходя в норму. Поговорка о том, что тебя застали врасплох, оказалась правдой.

* * *

После того случая поведение Хёндю стало другим, и я заметил, что теперь он реже просит меня обняться. При этом он перестал говорить об этом, а просто молчал. Сначала я подумал, что брат просто вырос и больше не нуждается в таких проявлениях любви. Но его излишняя замкнутость говорила об обратном. Было странно видеть, как мальчик, который раньше искал утешения в моих объятиях, теперь старательно избегал моего взгляда. Он также не искал утешения у матери, что было необычно. С течением времени поведение Хёндю становилось всё более необычным.

— Ты не хочешь есть, Хёндю? — с тревогой спросила мама. Её голос эхом разнёсся по комнате, отражая беспокойство на её лице.

— Тебе нужно поесть, сынок, — высказался Кан Рюндю. Его редкое вмешательство подчёркивало серьёзность и исключительность ситуации. Почему брат не хочет есть? Я молча гадал, и моё беспокойство росло с каждым приёмом пищи.

Хёндю с явным нежеланием попробовал еду, а затем отодвинул тарелку. Каша, которую с такой любовью сварила мама, осталась нетронутой. Даже во время острой пневмонии он не был таким капризным. Когда-то в нашем доме царил гармония, но теперь всё было на грани хаоса из-за беспокойства о Хёндю.

<http://bllate.org/book/12990/1143866>